

**КОГНИТИВНО-
СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМА
КАНТА
И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ**

А. А. Шиян*

Выделяется и рассматривается одна из современных реалистических интерпретаций И. Канта (представленная С.Л. Катречко), которая сравнивается с современным реалистическим пониманием феноменологии Э. Гуссерля. Свою интерпретацию Катречко называет когнитивно-семантической и развивает в ряде последних своих публикаций. Согласно этой интерпретации, кантовское явление (предмет) понимается как знак, денотатами которого выступают вещь-сама-по-себе в субъективном и объективном модусе. В статье выделяются и рассматриваются два варианта когнитивно-семантической интерпретации. Первый вариант отталкивается от известного кантовского вопроса: «Как возможны синтетические суждения априори?», и под объективной вещью-самой-по-себе понимается эмпирический предмет, который аффицирует нашу чувственность. Второй вариант рассматриваемой интерпретации исходит из вопроса, сформулированного Кантом в письме к Герцу: «На чем основывается отношение того, что мы называем представлением в нас, к предмету?», и под субъективной вещью-самой-по-себе понимается трансцендентальный предмет и/или феномен. Подчеркивается, что второй вариант интерпретации Катречко в определенном смысле предшествует феноменологии Гуссерля, в которой получило развитие априорное содержательное обоснование нашего опыта. В статье представлено реалистическое прочтение философии Гуссерля, опирающееся на один из важнейших принципов феноменологии — обоснованность нашего знания путем рефлексивного исследования повседневного опыта, благодаря которому знание было получено, и его предпосылок. При этом подчеркивается, что, в отличие от учения Канта, феноменология Гуссерля отрицает существование непознаваемой вещи-самой-по-себе и, в отличие от интерпретации Катречко, принципиально не допускает признания знаковой природы вещей окружающего мира. Последний момент не позволяет вписать феноменологию Гуссерля в семантическую парадигму интерпретации, в русле которой работает Катречко.

Ключевые слова: трансцендентализм, Кант, вещь-сама-по-себе, явление, реалистическая интерпретация, представление, феноменология, опыт.

* Российский государственный гуманитарный университет, философский факультет, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6.

Поступила в редакцию: 25.05.2017 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2017-4-2

© Шиян А. А., 2017

Современную философскую эпоху можно охарактеризовать возрастающим интересом к поискам ответа на вопросы «Что существует?» и «Как устроен мир?» Это означает, что на первый план выходит онтологическая проблематика. Более того, особый интерес приобретает так называемая реалистическая онтология, то есть позиция, которая исходит из признания реальности окружающего мира¹. Эта тенденция не могла обойти стороной и историко-философские исследования. Так появляются новые реалистические интерпретации классиков философии, в частности Иммануила Канта. К ним относятся прежде всего работы В. Рёда (Röd, 1991), А. Коллинза (Collins, 1999), П. Абелы (Abela, 2002), Л. Эллайса (Allais, 2015).

В реалистической интерпретации Канта подчеркивается реальный (материальный) характер кантовского «явления». Кантовские явления — это, говоря современным языком, материальные предметы окружающего мира. Реалистическая трактовка опирается на известное место из «Критики чистого разума»: «Когда я говорю о том, что созерцание внешних объектов (*Objekte*)... представляет нам эти объекты так, как они действуют на наши чувства, то есть так, как они являются, я этим вовсе не хочу сказать, будто эти предметы суть лишь видимость. В явлении объекты и даже свойства, которые мы им приписываем, всегда рассматриваются как нечто действительно данное... Если бы я превратил в простую видимость то, что я должен причислить к явлениям, то это было бы моей виной...» (Кант, 1994б, с. 85). К отечественным исследователям, развивающим реалистическую интерпретацию кантовского трансцендентализма, относится С. Л. Катречко, который называет эту онтологическую установку трансцендентальным реализмом. О том, что возможно и другое понимание явлений у Канта, говорит тот факт, что в «Критике чистого разума» Кант иногда отождествляет явления с представлениями, относя и то и другое к созерцаниям. Однако мы считаем, что этот довод не лишает легитимности реалистическую интерпретацию Канта, а лишь требует дополнительных прояснений данной позиции. Итак, согласно реалистической трактовке, нельзя не только полагать, что для Канта окружающий мир вещей полностью сконструирован нашим сознанием, но не является правомерным также и то, что он представляет собой некий фантом, или видимость².

В данном тексте мы опираемся на следующие работы Катречко, в которых представлена его интерпретация кантовского трансцендентализма: статьи «Трансцендентализм Канта как трансцендентальная парадигма философствования» (Катречко, 2014), «Трансцендентализм Канта как реалистическая теория опыта / познания (анализ структуры кантовского коперниканского переворота)» (Катречко, 2017а) и доклад «Кантовский трансцендентализм и его концепт вещи-самой-по-себе» (Катречко, 2017б). Основной сложностью при изложении и анализе этой концепции является многозначность и рассогласованность некоторых ее основных терминов: трансцендентальный предмет, трансцендентальный объект, ноумен, вещь-сама-по-себе, субъективная вещь-сама-по-себе, объективная вещь-сама-по-себе, явление, представление, трансцендентальное единство апперцепции

¹ См. на эту тему, например: (Gabriel, 2014; 2016).

² Конечно, мы понимаем, что и вариант признания окружающих вещей за фантом вполне допустим. Тот факт, что до них мы можем дотронуться и в своих ощущениях удостовериться их существование, еще, в строгом смысле, не подтверждает их реальность: тактильные ощущения могут быть вызваны чисто внутренними причинами.

и др. Эта сложность обусловлена, в первую очередь, терминологической неоднозначностью текстов самого Канта, который, в частности, употреблял для обозначения одного и того же явления разные термины, в зависимости от того, какой аспект этого явления требовалось подчеркнуть. Катречко отчасти идет по следам Канта, выбирая то значение термина, которое наиболее подходит в данном контексте, но делает это весьма корректно, ссылаясь на соответствующее место у Канта или его современных толкователей, отсекая другие интерпретации и т. д. Поэтому в данной статье мы сосредоточимся главным образом на содержательной стороне, полагаясь на добросовестность автора и прибегая к рассмотрению терминологических коллизий лишь там, где без этого обойтись нельзя.

Свою интерпретацию Катречко называет также когнитивно-семантической. Ее можно обозначить как «срединную», или «медиальную», поскольку сфера трансцендентального, согласно этой интерпретации, является промежуточной областью между эмпирической и рассудочной (сознательной) сферами, предельными случаями которых выступают объективная вещь-сама-по-себе и субъективная вещь-сама-по-себе. Два данных термина, введены Катречко, и введены они вполне корректно, так как позволяют обратить внимание на противопоставление двух аспектов вещи-самой-по-себе. Понимание трансцендентальной сферы как медиальной области не является открытием, эта мысль уже высказывалась в исследовательской литературе (Инишев, 2010). Здесь мы остановимся именно на когнитивно-семантическом аспекте предложенной реалистической интерпретации. Мы считаем, что у этой интерпретации есть два принципиально различных варианта. Рассмотрим их подробнее.

Семантический характер своей интерпретации Катречко обосновывает тем, что явление (предмет опыта) вполне может пониматься как знак. Тогда его значением, эмпирическим денотатом является вещь-сама-по-себе в ее эмпирическом (объективном) модусе. Речь идет о самом распространенном понимании вещи-самой-по-себе как чего-то, что аффицирует нашу чувственность извне. Смысловым денотатом явления — знака выступает вещь-сама-по-себе в ее рассудочном (сознательном) модусе, то есть субъективная вещь-сама-по-себе. Именно конкретизация субъективной вещи-самой-по-себе дает первый импульс для выделения двух возможных вариантов предложенной когнитивно-семантической интерпретации.

В статье «Трансцендентализм как трансцендентальная парадигма философствования» Катречко под субъективной вещью-самой-по-себе понимает трансцендентальное единство апперцепции, включающее априорные категории. Тогда получается, что для всех предметов опыта существует один смысловой денотат. Именно это и демонстрирует дедукция категорий, а именно — как априорные категории формируют предмет вообще, то есть любой предмет, без конкретизации его вида и свойств. И в этом случае введение субъективной вещи-самой-по-себе ничего содержательно нового к традиционному прочтению «Критики чистого разума», кажется, не добавляет: просто вводятся новые семантические обозначения для хорошо известных моментов.

В докладе «Кантовский трансцендентализм и его концепт вещи-самой-по-себе» в качестве смыслового денотата, то есть субъективной вещи-самой-по-себе, Катречко называет ноумен, который мы мыслим в априорных категориях рассудка, и трансцендентальный объект, выступающий в роли

протокатегории, которая оформляет чувственное многообразие в предмет. Понимание трансцендентального объекта в качестве протокатегории явления Кант дает в «Антиномиях чистого разума» (Кант, 1994б, с. 385) с целью разрешения космологической диалектики, не согласовывая его в явном виде с априорными категориями и проблематикой рассудка. Прежде всего возникает вопрос: речь идет об индивидуальном объекте или об общих видах предметов?

Итак, согласно Катречко, мы имеем следующее онтологическое толкование кантовского трансцендентализма. Окружающие нас предметы, данные нам в опыте (Кант их также называет явлениями) — это знаки, у которых есть свой эмпирический денотат в виде вещи-самой-по-себе и рассудочный, чисто мыслимый денотат — ноумен и/или трансцендентальный объект. Эмпирический и мыслимый денотаты — это тот же эмпирический предмет, только взятый в трансцендентальной перспективе.

Теперь рассмотрим теоретико-познавательный аспект предложенной Катречко трактовки кантовского трансцендентализма. Именно теоретико-познавательная проблематика позволяет выйти за рамки чисто семантической плоскости и оправдывает название предложенной интерпретации как когнитивно-семантической, а не просто семантической. Именно в ракурсе познания устанавливается связь между знаком и его денотатами, в случае кантовской версии трансцендентализма — прежде всего между явлением и его рассудочным денотатом. Мы считаем, что в центре кантовской теории познания в когнитивно-семантической перспективе находится вопрос о том, какое влияние оказывает рассудочный денотат (субъективная вещь-сама-по-себе) на формирование предметов-знаков нашего опыта. (Вопрос о том, как эмпирическая вещь-сама-по-себе соотносится с предметами-для-нас, выносится за скобки трансцендентализма Канта.) На языке Канта это основной вопрос «Критики чистого разума» об условиях возможности знания: «Как возможны синтетические суждения априори?» Катречко подчеркивает, что в своей интерпретации он отталкивается от модификации этого вопроса, которую можно найти в заменимом письме Канта к Герцу: «На чем основывается отношение того, что мы называем представлением в нас, к предмету?» (Кант, 1994а, с. 487). Эти два варианта теоретико-познавательного вопрошания Канта и маркируют два варианта когнитивно-семантической интерпретации Катречко. Для демонстрации их различия мы также будем обращаться к различным пониманиям у Канта таких терминов, как «представление» и «истина».

Прежде чем перейти к теоретико-познавательной трактовке когнитивно-семантической интерпретации, сделаем небольшое отступление об исследовательской стратегии Катречко (с учетом его дополнительных разъяснений). Она основывается: 1) на демонстрации тех мест у Канта, на которые он опирается, 2) на игнорировании высказываний Канта, которые не вписываются в его толкование, 3) на выдвижении интерпретаций Канта с определенной, отсутствующей у того позиции (в данном случае — семантической). Необходимость «отбрасывания» некоторых высказываний Канта не кажется нам произволом, так как основание для этого дает сам философ, тексты которого не позволяют непротиворечивым образом учесть все терминологические и содержательные нововведения, если, конечно, не заниматься диалектическим системотворчеством в духе Гегеля, но тогда отход от линии Канта представляется нам более существенным, чем в стратегии, выбранной Катречко.

Понимание субъективной вещи-самой-по-себе как трансцендентально-го единства апперцепции (1-й вариант логико-семантической интерпретации трансцендентализма) вполне согласуется с отождествлением явлений и представлений и вписывается в основную линию 1-й части «Критики чистого разума», дающей ответ на вопрос: «Как возможны синтетические суждения априори?» Ответ, как хорошо известно, можно сформулировать следующим образом: синтетические суждения априори возможны потому, что априорные категории в опыте соединяются с формами чувственности, в результате чего мы можем формулировать всеобщие и необходимые суждения о предметах возможного опыта. Это Кант доказывает в дедукции категорий, показывая, как с помощью априорных категорий формируются предметы нашего опыта. Правда, Катречко, опираясь на кантовское различие «суждений восприятия» и «суждения опыта» (Кант, 1994в, с. 54–59), считает, что в нашем восприятии априорные категории не принимают участия, они вступают в действие только тогда, когда мы формулируем общезначимые суждения. Эта точка зрения весьма популярна в современной аналитической языковой философии, согласно которой все определяется языком и без языка мы не можем даже видеть окружающие вещи.

Для нас же важен тот момент, что явления (представления) формируются в ходе самого опыта, до которого их не было, то есть формирование предмета с помощью категорий начинается с нуля. Поскольку здесь речь идет о возможном, а не о реальном опыте, то отождествление здесь явлений и представлений вполне оправданно. В данном случае бессмысленно звучит вопрос Канта к Герцу об отношении представлений в нас к предметам, поскольку это «отношение» и есть сам процесс формирования представлений-предметов с помощью априорных категорий и форм чувственности. Однако существует другая точка зрения, согласно которой уже в нашем восприятии принимают участие априорные категории, возможно даже и бессловесное действие категорий. Так, категории, как показано в дедукции категорий 1-го издания, являются фиксацией некоторых принципов функционирования сознания. Но, видимо, не все категории обладают статусом всеобщности и необходимости. Допустим, в нашем восприятии вещей участвует категория субстанции, но только в суждении мы придаем существованию вещи статус необходимости, например с помощью категории «существования» или «причины». Ни той, ни другой точке зрения об участии априорных категорий в нашем восприятии вещей нельзя найти однозначного подтверждения в текстах Канта³. Одно можно сказать определенно: «суждения опыта» и «суждения восприятия» различаются статусом высказанного в них знания, поскольку в случае суждений восприятия наше знание субъективно, в случае суждений опыта — объективно, или, как замечает Катречко, интер- или транссубъективно (Катречко, 2014, с. 21). Но из этого вовсе не следует, что в ходе восприятия категории не были задействованы.

Если мы принимаем точку зрения, отождествляющую представления и явления, то вопрос об истине как соответствии познания предметам нашего опыта не имеет смысла. Предметы познания формируются в самом процессе познания, и об их истинности можно говорить только в нормативном аспекте. Кант не говорит в явном виде об истинности в нормативном ас-

³ Эти две точки зрения представлены в статье (Wenzel, 2005).

пекте, но ее взяли на вооружение неокантианцы, при этом полностью отказавшись от вещи-самой-по-себе, хотя и в кантовском определении истины она не играет роли.

Второй вариант когнитивно-семантической интерпретации Катречко основан на различии представлений и явлений, и его также можно найти у Канта. Именно с учетом этого различия Кант формулировал свой вопрос к Герцу: «На чем основывается отношение того, что мы называем представлением в нас, к предмету?» В этом случае, как совершенно справедливо замечает Катречко, приобретает особую значимость классификация представлений. Кант выделяет субъективные априорные представления, которым ничего не соответствует в возможном опыте, и объективные априорные представления, которые допускают применение в возможном опыте (Кант, 1994б, с. 288). Именно здесь работает кантовское понятие истины как соответствия познания предметам нашего опыта (Кант, 1994б, с. 94), поскольку объективные представления можно отождествить со знанием и вопрос об истине понимать как требование их соответствия реальным явлениям — предметам. К объективным представлениям можно отнести и трансцендентальный предмет как протокатегорию, с помощью которой формируется предмет нашего опыта. В этом случае мы вынуждены отказаться от ноумена как смыслового денотата явления — знака, так как неясно, играет ли он роль в опыте. Тема трансцендентального предмета как протокатегории для предмета-для-нас не была разработана Кантом, но сам факт ее присутствия в «Критике чистого разума» дает возможность иного прочтения Канта, согласно которому рассудок оказывает влияние на формирование предметов нашего опыта не только с формальной, но и с содержательной стороны⁴. Эта тема получила развитие в философии XX в., в частности в феноменологии. К ней мы вернемся чуть ниже.

Различие двух вариантов когнитивно-семантической интерпретации кантовского трансцендентализма Катречко сам в явном виде не тематизирует, более того, у него встречаются высказывания, в которых два эти варианта присутствуют одновременно, что ведет к некоторой путанице. Так, например, Катречко пишет: «Мы познаем вещи посредством их представлений, которые формируются (синтезируются) на нашем “познавательном экране” (сознания) при помощи имеющихся у нас познавательных способностей, основными из которых выступают интуитивная чувственность (созерцания) и дискурсивный рассудок (суждения). Сами по себе формируемые при восприятии ментальные представления, прежде всего созерцания чувственности, эмпиричны и субъективны» (Катречко, 2014, с. 20). В первом предложении, кажется, под вещь имеется в виду вещь-сама-по-себе, под представлениями — явления, то есть предметы нашего опыта. И тогда мы находимся в рамках первого варианта когнитивно-семантической интерпретации, согласно которому с помощью трансцендентального единства апперцепции (то есть априорных форм чувственности и категорий рассудка) и формируются представления, или явления, а за ними «“просвечивает” реальная вещь, которая не “скрывается” от нас, а дается этим явлением» (Катречко, 2014, с. 21). (Здесь мы не будем останавливаться на том, насколько далеко отходит от текста Канта последнее утверждение.) Под явлениями-представлениями Катречко, как кажется, понимает здесь предметы-на-

⁴ В этом случае «представление» может предшествовать восприятию предмета и при этом не мыслиться с помощью категорий, а быть лишь смутным ожиданием.

шего-опыта, вещи-для-нас, которые нас окружают и являются реальными и материальными. Однако в следующем предложении есть выражение «ментальные представления», что заставляет нас обратиться ко второму варианту когнитивно-семантической интерпретации трансцендентализма, согласно которому именно ментальные представления можно рассматривать как то, с помощью чего мы формируем предметы-для-нас. Эта коллизия вовсе не говорит о невозможности совмещения двух вариантов предложенной интерпретации, а лишь демонстрирует, что для этого нужна дальнейшая проработка, которая с неизбежностью ведет к отходу от кантовской терминологии.

Сейчас обратимся к тезису Катречко о том, что в рамках трансцендентальной парадигмы развивался ряд крупнейших философских школ XX в.: феноменология, философия языка, позитивизм и др. Мы остановимся на случае феноменологии Гуссерля, тем более что сегодня реалистической интерпретации не удалось избежать и ей⁵. Однако Катречко утверждает, что феноменология Гуссерля вполне вписывается и в когнитивно-семантическое толкование трансцендентализма, поскольку в ней речь идет об особой реальности — реальности интенциональных предметов, или феноменов, которые занимают промежуточное место между объективными эмпирическими предметами и субъективным сознанием. Катречко приводит пример из «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. I» (далее — «Идеи I») Гуссерля с нозмой яблоки (Гуссерль, 2009, с. 282 — 284), которая как интенциональный предмет относится к особой реальности, отличной как от сознания, так и от реальных предметов.

Подобные интерпретации феноменологии Гуссерля существуют в англо-американской традиции. На роль посредника чаще всего выдвигают нозму, которую представляют в качестве медиатора между познавательным актом и предметом⁶. Основания для подобного толкования Гуссерля можно найти в его текстах, однако мы придерживаемся другой стратегии понимания феноменологии. Сначала хотелось бы сформулировать свой исследовательский принцип. Так же, как и Катречко, мы ставим акценты на определенных тезисах и приемах Гуссерля, «закрывая глаза» на другие. Однако «оставленные» моменты гуссерлевских рассуждений интерпретируются не с точки зрения отсутствующей у него установки (как кантовский трансцендентализм — с семантической точки зрения), а с позиции практикуемого Гуссерлем подхода и провозглашаемого им принципа, хотя не единственного и не всегда им самим соблюдаемого. Речь идет о необходимости обоснования всего нашего научного и обыденного знания путем рефлексивного обращения к тому изначальному опыту, в ходе которого оно было получено. При этом необходимо вскрыть все предпосылки, в рамках которых протекает этот опыт. На первый взгляд это похоже на то, что утверждает Катречко про «метафизику опыта» Канта: опыт в трансцендентализме Канта является первичной данностью, которая объемлет субъект и объект, вещи и сознание. Однако понимание опыта и его роли у Канта и Гуссерля различное. Для конкретизации этого различия обратимся к исходным онтологическим и гносеологическим установкам Гуссерля и сравним их с кантовскими.

---

⁵ См., например: (Tengelyi, 2014).

⁶ См., например: (Smith, 2013; Drummond, 2003; Gurwitsch, 2009).

Онтологическая установка Гуссерля основывается на нашем повседневном опыте, прежде всего опыте восприятия, точнее, на том, как мы воспринимаем мир в обыденной жизни. Предметы, которые нас окружают, — это не знаки и не символы, а реальные вещи. За ними не скрываются никакие вещи-сами-по-себе; то, что мы воспринимаем — подлинная реальность. Да, возможны ошибки в восприятии, но они ничего не меняют, главное — наш опыт в принципе может обеспечить нам доступ к «самим вещам». При этом мы понимаем, что вещь, данная нам в опыте, — это еще не вся вещь, всегда существует возможность посмотреть на ту же вещь с другой стороны, из другой перспективы, и тогда мы увидим ее новым светом, но это будет та же самая вещь. Для обозначения предметов нашего опыта Гуссерль использует также понятие феномена, который нельзя понимать в качестве посредника между действительным предметом и сознанием. Феномен — это сам предмет, данный нам в опыте, и его данность неисчерпаема.

Итак, для Гуссерля реальность, то есть окружающий нас мир, — одна, и она дана нам непосредственно, а не с помощью знаков. Эта картина вполне адекватно описывает наш обыденный опыт восприятия мира, тогда как семантическая онтологическая установка предлагает некую модель (знак — эмпирический денотат — смысловой денотат), которая привносится извне и которая в нашем опыте не всегда находит соответствие⁷. В реальной жизненной ситуации трудно указать, где есть объективная вещь-сама-по-себе, субъективная вещь-сама-по-себе, явление, представление.

Что касается гуссерлевского примера с нозмой цветущей яблони, который приводит Катречко для демонстрации особой реальности интенциональных предметов, то здесь необходимо сделать важное разъяснение. Для Гуссерля существует только одна реальность — цветущая яблоня в саду. Мы имеем дело с нозмой яблони, когда сменили установку и направили наше внимание на опыт сознания и предмет, который присутствует в этом опыте сознания. Тогда нозма цветущей яблони — та же яблоня из нашего опыта, но рассмотренная в рефлексивной установке. С точки зрения содержания нозма и предмет совпадают. Гуссерль называет нозму идеальным, ментальным, а также интенциональным объектом, но подчеркивает, что она не является самостоятельной реальностью⁸, даже ментальной. «...Если мы попробуем разделить... действительный объект (в случае внешнего восприятия — воспринимаемую вещь природы) и интенциональный объект и реально вкладывать последний как “имманентный” объект восприятия в переживания, то мы окажемся в затруднительном положении, когда противостоять друг другу будут две реальности, между тем как наличествует и возможна лишь одна. Я воспринимаю вещь, природный объект, например дерево в саду, — это и только это есть действительный объект воспринимающей “интенции”», — пишет Гуссерль (Гуссерль, 2009, с. 288). Уже начиная с «Логических исследований» Гуссерль боролся против любых теорий отражения и ментальных образов, с помощью которых нам дана подлинная реальность (правда, и сам получал упреки за неосознанное следование теории образов (Rang, 1975)). Когнитивно-семантическая схема Катречко отчасти является одним из вариантов этих теорий. Тезис Катречко о том, что «кантовская субъективная вещь-сама-по-себе и объективная

⁷ О противопоставлении двух подходов к исследованию опыта — описания опыта из него самого и структурной детерминации опыта извне — см.: (Молчанов, 2007).

⁸ О неоднозначности понимания нозмы у самого Гуссерля см.: (Bernet, 1990).

вещь-для-нас — это те же самые эмпирические предметы (сознание и вещь), но взятые в своем универсальном модусе, то есть освобожденные от условий их восприятия нашей чувственностью» (Катречко, 1914, с. 20), кажется напоминающим изложенную выше гуссерлевскую позицию, однако в ней мы можем заметить принципиальную несовместимость с феноменологическим подходом. Для феноменолога, повторим еще раз, не существуют вещей-самих-по-себе, принципиально недоступных для нашего опыта.

Кроме реальности окружающего нас материального мира для Гуссерля существует еще и идеальная реальность, к которой относятся прежде всего логические и математические понятия и законы. Проблема так называемого платонизма Гуссерля не дает покоя исследователям до сих пор, ее мы здесь касаться не будем⁹. Нам важно подчеркнуть, что сознание не обладает реальным самостоятельным статусом существования в онтологическом смысле, его существование неотделимо от существования материальной реальности. Многочисленные высказывания Гуссерля, особенно в «Идеях I», о первичности бытия сознания по отношению к бытию вещей, об изначальности сознания и другие имеют лишь теоретико-познавательный, а не онтологический смысл. (Нам представляется, что и высказывания Катречко об изначальности опыта в кантовском трансцендентализме можно понимать исключительно в теоретико-познавательном смысле.)

Теория познания занимает в гуссерлевских исследованиях не менее важное место, чем в кантовских текстах. Кантовское вопрошание об условиях возможности нашего опыта (точнее, как тонко подметил Катречко, опытного знания) было весьма актуально и для Гуссерля. На языке последнего это вопрос о предпосылках нашего опыта. Так же, как и Кант, Гуссерль исходит из факта существования знания, и его задача — это знание прояснить, обосновать и удостоверить, причем не только с формальной (как у Канта), но и с содержательной стороны. Путь для достижения этих целей — рефлексивное обращение к тому повседневному опыту, который лежит в основе знания и из которого это знание было получено. Изначальный опыт, обуславливающий наше знание о материальных вещах, — это опыт восприятия.

Итак, для уточнения и прояснения нашего знания, по Гуссерлю, необходимо в конечном счете обратиться к нашему повседневному опыту восприятия предметов окружающего мира. Анализу восприятия предметов посвящены сотни страниц «Гуссерлианы», в том числе и потому, что исследование опыта сознания интересует Гуссерля не только с точки зрения обоснования нашего знания (обыденного и научного), но и как принципиальное для его штудий по изучению сознания. В данной статье мы опираемся на те страницы текстов Гуссерля, в которых исследование восприятия проводилось путем рефлексивного описания реального опыта, и оставляем в стороне места, где Гуссерль занимается моделированием этого опыта, например используя схему «гиле — морфе».

При сравнении общих позиций Канта и Гуссерля нам хотелось бы выделить два момента. Во-первых, как мы уже отмечали, при реальном восприятии предметов окружающего мира мы понимаем, что в нашем опыте мы имеем дело с неполной данностью предмета и всегда возможны уточнения и дополнения. Но эти уточнения и дополнения не могут дать произ-

⁹ См. на эту тему: (Шиян, 2015).

вольного результата, а будут всегда протекать в рамках общего понимания данного предмета, задаваемого им самим. Так, мы не можем ожидать от стола, что в ходе нашего исследования он обнаружится лающим. Весь предмет называется Гуссерлем в «Идеях I» путеводной нитью, которая в качестве регулятивной идеи направляет наш опыт и познание. В «Первой философии» Гуссерль подчеркивает те аспекты предмета, которые не даны в опыте, но наличие которых подразумевается в любом реальном опыте, вводит понятие вещи-самой-по-себе (Husserl, 1959, S. 32). Но, в отличие от кантовской вещи-самой-по-себе, о гуссерлевской вещи-самой-по-себе мы имеем некое, пусть и нечеткое, представление, которое может быть реализовано в опыте. Правда, полностью эта возможность никогда не осуществится. Это различие вещи-самой-по-себе и явления вещи не является конструктом, изобретенным Гуссерлем, оно присутствует в неявном виде в нашей естественной установке, в феноменологической же установке оно тематизируется с целью осуществления задач познания: удостоверения и прояснения нашего знания.

Во-вторых, кроме вещи самой по себе, направляющей наш опыт и познание, явление предмета определяется также со стороны сознания «интенцией значения» (на языке «Логических исследований» (Гуссерль, 2011, с. 29–95)). Любому нашему восприятию предмета предшествует некое ожидание этого предмета в виде представления, не обязательно четко выраженного. Эту функцию в кантовском трансцендентализме может нести на себе трансцендентальный предмет, который в качестве протокатегории определяет наш опыт. В поздней работе Гуссерля «Суждение и опыт» роль интенции значения выполняет прошлый опыт, который определяет любой настоящий опыт восприятия.

Подчеркивая роль самого предмета в нашем опыте восприятия, Гуссерль вовсе не отрицает влияния сущностей и сущностных закономерностей, которые обуславливают наш опыт и присутствуют в нашем сознании. Однако гуссерлевские априорные закономерности и понятия принципиально отличаются от кантовских категорий рассудка и форм чувственности. У Гуссерля речь идет о различении своего и чужого, о разделении мира на три региона (материальные вещи, одушевленные организмы и социальные личности) и др. Раз сформировавшись, эти различия, по Гуссерлю, передаются от поколения к поколению. И здесь остается лишь один шаг до признания их социально-культурной природы, который Гуссерль, однако, не делает. Но это проблема отдельного исследования.

В заключение можно сделать вывод, что с точки зрения сформулированного выше понимания феноменологии философии Гуссерля нельзя отнести к линии, лежащей в русле когнитивно-семантического варианта трансцендентализма, но она легко вписывается в реалистическое направление современной философии, в рамках которого феноменология, в определенном смысле, продолжает кантовский трансцендентализм.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. М., 2009.
2. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. М., 2011.
3. Инишев И. Н. Сильные стороны слабого трансцендентализма // Практизация философии: современные тенденции и стратегии / отв. ред. И. Н. Инишев, Т. Щитцова. Т. 2. Вильнюс, 2010. С. 165–178.

4. Кант И. Избранные письма // Собр. соч. : в 8 т. Т. 8. М., 1994а. С. 463–590.
5. Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч. : в 8 т. Т. 3. М., 1994б.
6. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Собр. соч. : в 8 т. Т. 4. М., 1994в. С. 5–153.
7. Катречко С.Л. Трансцендентализм Канта как трансцендентальная парадигма философствования // Кантовский сборник. 2014. №2 (48). С. 10–25.
8. Катречко С.Л. Трансцендентализм Канта как реалистическая теория опыта / познания (анализ структуры кантовского коперниканского переворота) // Философия и наука: проблемы соотношения / отв. ред Т.А. Шиян. Кн. 1. М., 2017а. С. 213–226.
9. Катречко С.Л. Кантовский трансцендентализм и его концепт вещи-самой-по-себе // Трансцендентальный поворот в современной философии (1): метафизика, теория опыта, теория сознания : сб. матер. Междунар. науч. семинара. М., 2017б. С. 37–45. URL: <https://www.academia.edu/33000510/> (дата обращения: 22.07.2017).
10. Молчанов В.И. Кантовская экспликация априоризма: анализ или интерпретация // Иммануил Кант: наследие и проект / ред. В. С. Степина и Н. В. Мотрошиловой. М., 2007. С. 136–153.
11. Шиян А.А. Трансценденция сущностей и жизненный мир в феноменологии Эдмунда Гуссерля // История философии: история или философия? : сб. матер. Междунар. конф. / отв. ред. Т. А. Шиян. М., 2015. С. 149–157. URL: http://ff-rggu.ru/aleshinskie_chteniya_2015/ (дата обращения: 10.07.2017).
12. Abela P. Kant's Empirical Realism. Oxford, 2002.
13. Allais L. Manifest Reality: Kant's Idealism and his Realism. Oxford University Press, 2015.
14. Bernet R. Husserls Begriff des Noema // Husserl-Ausgabe und Husserl-Forschung / Hrsg. Samuel IJsseling, Dorbrecht, 1990. S. 61–80.
15. Collins A. Possible Experience: Understanding Kant's Critique of Pure Reason. University of California Press, 1999.
16. Drummond J.J. The Structure of Intentionality // The new Husserl: a critical reader / ed. D. Welton. Bloomington, 2003. P. 65–92.
17. Gabriel M. Der Neue Realismus. Frankfurt a/M, 2014.
18. Gabriel M. Neutraler Realismus: Jahrbuch-Kontroversen 2. Freiburg ; München, 2016.
19. Gurwitsch A. The Kantian and Husserlian Conceptions of Consciousness // The Collected Works of Aron Gurwitsch (1901–1973). Vol. II. Springer, 2009. P. 149–174.
20. Husserl E. Erste Philosophie (1923/24). Zweiter Teil: Theorie der phänomenologischen Reduktion // Husserliana VIII/hrsg. von R. Boehm. Den Haag, 1959.
21. Rang B. Repräsentation und Selbstgegebenheit: Die Aporie der Phänomenologie der Wahrnehmung in den Frühschriften Husserls // Phänomenologische Forschungen. Vol. 1 : Phänomenologie heute: Grundlagen- und Methodenprobleme. Freiburg, 1977. S. 105–137.
22. Röd W. Erfahrung und Reflexion. Theorien der Erfahrung in transzendentalphilosophischer Sicht. München, 1991.
23. Smith D.W. Husserl. 2 ed. L. ; N.Y., 2013.
24. Tengelyi L. Welt und Unendlichkeit: Zum Problem phänomenologischer Metaphysik. Freiburg, 2014.
25. Wenzel Ch. Spiele nach Kant die Kategorien schon beider Wahrnehmung eine Rolle? // Kant-Studien. 2005. Vol. 96. S. 407–426.

Об авторе

Анна Александровна Шиян — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии философского факультета РГГУ, Россия.

E-mail: annasamoikina@yandex.ru

EDMUND HUSSERL'S PHENOMENOLOGY
AND A COGNITIVE-SEMANTIC INTERPRETATION
OF KANT'S TRANSCENDENTALISM

A. A. Shiyan

This article analyses one of the recent realist interpretations of Kant – the one proposed by S.L. Katrechko. This interpretation is compared with the modern realistic understanding of Husserl's phenomenology. Defined as cognitive-semantic, the interpretation is developed in several of S.L. Katrechko's recent publications. According to S.L. Katrechko, Kant's phenomenon (object) is a sign, whose referent is the thing in itself in the subjective and objective modes. The article considers two variants of the cognitive-semantic interpretation. The first one is based on Kant's famous question as to how synthetic judgments are possible a priori. The variant defines the objective thing in itself as an empirical object that affects our sensibility. The second variant is based on the question 'On what ground rests the relation of what we call representation in us to the object?', as Kant put it in his letter to Herz. The subjective thing in itself is defined as a transcendental object and/or phenomenon. It is emphasised that, in a certain sense, the second variant of S.L. Katrechko's interpretation antecedes Husserl's phenomenology, which introduced a substantive a priori justification of human experience. This is a realist interpretation of Husserl's philosophy. At its core is a fundamental principle of phenomenology – the validation of knowledge by a reflective examination of its premises and the everyday experience through which it is obtained. It is stressed that, unlike Kant, Husserl's phenomenology rejects the existence of unknowable things in themselves and, unlike Katrechko, it rules out the interpretation of objects as signs. The latter makes it impossible to harmonise Husserl's phenomenology with Katrechko's semantic interpretation paradigm.

Key words: Kant, transcendentalism, thing in itself, appearance, realistic interpretation, representation, phenomenology, experience.

References

1. Husserl, E. 2009, *Ideji k chistoy fenomenologii I fenomenologicheskoy filosofii*, Kn. I [Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book I], Moscow.
2. Husserl, E. 2011, *Logicheskie issledovaniya*, t. 2 [Logical Investigations, vol. 2], Moscow.
3. Inishev, I. N. 2010, *Silnie storoni slabogo transzentalizma* [The strengths of weak transcendentalism], *Praktizatsiya filosofii: sovremennye tendentsii i strategii* [Practice of philosophy: modern trends and strategies], Vilnius, pp. 165–178.
4. Kant, I. 1994a, *Izbrannye pis'ma* [Selected Letters; letter's to M. Herz] In: Kant, I. *Sobranie sochinenij v 8 tomah*. [Works in 8 volumes], vol. 8, S. 57–136.
5. Kant, I. 1994b, *Kritika chistogo razuma* (1787) [Critique of Pure Reason (second edition)]. In: Kant, I. *Sobranie sochinenij v 8 tomah*. [Works in 8 volumes], vol. 3.
6. Kant, I. 1994v, *Prolegomeny ko vsiakoy budushey metafizike, kotoraiia mozhnet poiavit'sia kak nauka* [Prolegomena to any Future Metaphysics] In: Kant, I. *Sobranie sochinenij v 8 tomah*. [Works in 8 volumes], vol. 4, s. 5–133.
7. Katrechko, S.L. 2014, *Transzentalizm Kanta kak transzental'naja paradigma filosofstvovaniya* [Kant's transcendentalism as transcendental paradigm of philosophizing]. In: *Kantovskiy sbornik* [The Kantovsky sbornik], 2014, no. 2 48), s. 10–25.
8. Katrechko, S.L. 2017a, *Transzentalizm Kanta kak realiticheskaja teorija opyta/poznaniya (analiz struktury kantovskogo kopernikanskogo perevorota)* [Does the Kant's Copernican Revolution Lead to Idealism? (Structure and Dialectic of Kant's Copernican Revolution)] In: *Filosofija i nauka: problemy sootnesenija*, Kn.1, Moscow, s. 213–226.
9. Katrechko, S.L. 2017b, *Kantovskiy transzentalizm Kanta i ego koncept veshi samoiy po sebe* [Kant's transcendentalism and his concept 'thing-in-itself']: <https://www.academia.edu/33000510/>

10. Molchanov, V. I. 2007, *Kantovskaya eksplikatsiya apriorizma: analiz ili interpretatsiya* [Kant's explication of the a priori: analysis or interpretation], In: Immanuel Kant: nasledie I proekt [Immanuel Kant: heritage and project], Moscow, pp. 136–153.
11. Shiyan, A. A. 2015, *Transstendentsiya suschnostey i zhiznenniy mir v fenomenologii Edmunda Husserlya* [Transcendence of entities and life-world in phenomenology of Edmund Husserl]. In: *Istoriya filosofii: istoriya ili filosofiya?* [History of philosophy: history or philosophy?], Moscow, http://ff-rggu.ru/aleshinskie_chteniya_2015/, pp. 149–157.
12. Abela, P. 2002, *Kant's Empirical Realism*, Oxford, Clarendon Press.
13. Allais, L. 2015, *Manifest Reality: Kant's Idealism and his Realism*, Oxford University Press Uk.
14. Bernet, R. 1990, *Husserls Begriff des Noema*. In: *Husserl-Ausgabe und Husserl-Forschung*, Dorbrecht, S. 61–80.
15. Collins, A. 1999, *Possible Experience: Understanding Kant's Critique of Pure Reason*, University of California Press.
16. Gurwitsch, A. 2009, *The Kantian and Husserlian Conceptions of Consciousness*. I The Collected Works of Aron Gurwitsch (1901–1973), Vol. II. Springer. Pp. 149–174.
17. Husserl, E. 1959, *Erste Philosophie (1923/4)*. Zweiter Teil: Theorie der phänomenologischen Reduktion, Husserliana VIII, Den Haag, Martinus Nijhoff.
18. Gabriel, M. 2014, *Der Neue Realismus*, Frankfurt am Mein, Suhrkamp.
19. Drummond J. J. 2003, *The Structure of Intentionality*, In: *The new Husserl: a critical reader*, Bloomington, Indiana University Press, pp. 65–92.
20. Gabriel, M. 2016, *Neutraler Realismus: Jahrbuch-Kontroversen 2*, Freiburg, Alber Karl.
21. Rang, B. 1977, *Repräsentation und Selbstgegebenheit: Die Aporie der Phänomenologie der Wahrnehmung in den Frühschriften Husserls*. In: *Phänomenologische Forschungen*, Vol. 1, pp. 105–137.
22. Röd, W. 1991, *Erfahrung und Reflexion. Theorien der Erfahrung in transzendentalphilosophischer Sicht*, München, C.H. Beck.
23. Smith, D. W. 2013, *Husserl*, 2 edition, London and New York, Routledge.
24. Tengelyi, L. 2014, *Welt und Unendlichkeit: Zum Problem phänomenologischer Metaphysik*, Freiburg, Alber Karl.
25. Wenzel, Ch. 2005, *Spiele nach Kant die Kategorien schon beider Wahrnehmung eine Rolle?* In: *Kant-Studien* 96, S. 407–426.

The author

Dr Anna Shiyan, Associate Professor, Department of Social Philosophy, Faculty of Philosophy, Russian State University for the Humanities, Russia.
E-mail: annasamoikina@yandex.ru